Загидуллин И. К.

О петиции таврического муфтия А. Карашайского 1905 года

DOI 10.31162/2618-9569-2021-14-4-763-777

УДК 930 (091)

Original Paper

Оригинальная статья

О петиции таврического муфтия А. Карашайского 1905 года*

И. К. Загидуллин^{1а}

¹Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, г. Казань, Российская Федерация

^аORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0501-2177>, e-mail: zagik63@mail.ru

Резюме: В статье рассматриваются причины и предпосылки подачи в 1905 г. исполнявшим должность таврического муфтия в 1903–1916 гг. мурзой А. Карашайским дополнительной петиции от имени мусульман Крымского полуострова, адресованной председателю Комитета министров, о расширении компетенции Таврического магометанского духовного правления и повышении статуса исламских институтов. Путем сопоставления выделяются общее и особенное в ее содержании по сравнению с «общенародной петицией» крымских татар. Делается вывод о том, что если «общенародная петиция» декларировала социальные и религиозно-духовные нужды крымских татар, презентуя ценности либерального общественного движения, то ходатайство группы мусульман и духовенства под руководством таврического муфтия А. Карашайского имело строго корпоративную, узкоконфессиональную направленность.

Ключевые слова: крымские татары; таврический муфтий А. Карашайский; петиции; первая русская революция 1905–1907 гг.; Таврическое магометанское духовное правление

Для цитирования: Загидуллин И. К. О петиции таврического муфтия А. Карашайского 1905 года. *Minbar. Islamic Studies*. 2021;14(4):763-777 DOI: 10.31162/2618-9569-2021-14-4-763-777

* Издание осуществлено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Татарстан в рамках научного проекта №17-11-16011.

Контент доступен под лицензией Creative Commons

Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

About the 1905 Petition by the Taurian mufti A. Karashaysky*

I. K. Zagidullin^{1a}

¹*Institute of History after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, the Russian Federation*

^aORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0501-2177>, e-mail: zagik63@mail.ru

Abstract: The article reveals the reasons and prerequisites of 1905 Additional Petition by the Taurian mufti A. Karashaysky on behalf of Muslims of the Crimean Peninsula that was addressed to the Chairman of the Ministers' Committee and where he wrote about the expansion of the Taurian Mohammedan Spiritual Board's competence and about the necessity of increasing the status of Islamic institutes. Providing comparative analysis between the Additional Petition and the Public Petition from Crimean Tatars the author allocates the general and specific matters of their contents. Thus, the research paper concludes that the Public Petition, via the values of liberal social movement, mostly declared the social, religious and spiritual needs of Crimean Tatars, while the petition prepared by the group of Muslims and clergy under the leadership of the Taurian mufti A. Karashaysky had strictly corporate, confessional orientation.

Keywords: Crimean Tatars; Taurian mufti A. Karashaysky; petitions; the First Russian Revolution of 1905-1907; Taurian Mohammedan Spiritual Board

For citation: Zagidullin I. K. About the 1905 petition by the Taurian mufti A. Karashaysky. *Minbar. Islamic Studies*. 2021;14(4):763-777 (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2021-14-4-763-777

Кризис во взаимоотношениях между обществом и властью, усугубившийся под воздействием поражения российских войск в русско-японской войне 1904–1905 гг., вынудил Николая II объявить о намерении провести в стране системные реформы. Царским указом «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» от 12 декабря 1904 г. было заявлено о предстоящих реформах, в том числе в сфере государственно-церковных отношений (п. 6), а также о пересмотре законов, ограничивающих права этноконфессиональных меньшинств в различных регионах (п. 7)¹.

Именной высочайший указ от 18 февраля 1905 г.² предоставил подданным возможность подачи петиций «по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния». Он ознаменовал начало «политики доверия к обществу», которая

* The publication has been supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Government of the Republic of Tatarstan within the framework of a scientific project №17-11-16011.

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. (далее – ПСЗ-3). Т. 24. № 25495.

² ПСЗ-3. Т. 25. № 25853.

официально продолжалась до издания закона от 6 августа 1905 г., согласно которому все проекты законов должны были предварительно рассматриваться и утверждаться депутатами Государственной думы³.

На призывы власти мусульмане откликнулись подачей петиций, в которых изложили основные свои нужды и чаяния. Составление единой петиции от имени мусульман Таврической губернии заняло некоторое время, вызванное выборами уполномоченных, проведением собраний и составлением текста коллективного прошения. В рамках подготовки петиции были созданы два собрания в г. Симферополе, в доме таврического муфтия Адиля мурзы Карашайского⁴ под его же председательством. Первое собрание уполномоченных городских общин губернии состоялось 24 марта 1905 года, на котором была избрана комиссия для составления петиции. Итоговым документом второго собрания уполномоченных из городов и уездов губернии (7 апреля 1905 г.) стало «Постановление собрания мусульман Крымского полуострова», которое содержало 17 пунктов, и избрание крымско-татарской депутации под руководством муфтия А. Карашайского в составе девяти человек для передачи петиции председателю Комитета министров. 6 мая 1905 г. в Санкт-Петербург выехала обновленная депутация в составе десяти человек под руководством И. Гаспринского. Из прежнего состава «выпали» муфтий А. Карашайский, который сослался на болезнь, и Симферопольский уездный кадий Омар эфенди [2, с. 9–16].

Крымско-татарская депутация 16 мая передала Сергею Юрьевичу Витте новую петицию, состоявшую из 19 пунктов⁵, 18–21 мая удостоилась аудиенции целого ряда столичных сановников, 25 мая вернулась в Симферополь [3, с. 51–54].

Изучение петиционной кампании в Волго-Уральском регионе 1905 г. позволяет сделать вывод о том, что собрания по обсуждению проекта коллективного ходатайства способствовали поляризации позиций участников мероприятия. Однако группа, оставшаяся при голосовании в меньшинстве, как правило, подчинялась мнению большинства. В случае же с представителями крымско-татарской элиты наметилась иная сюжетная линия. На втором собрании уполномоченных от 7 апреля несколько раз звучал вопрос, насколько соответствуют шариату некоторые обсуждаемые пункты. Такое сомнение

³ ПСЗ–З. Т. 25. № 26661.

⁴ Статский советник Адиль мурза Карашайский начал исполнять обязанности таврического муфтия с 1 августа 1903 г., когда был уже 6-й раз избран на трехлетний срок предводителем дворянства Перекопского уезда. До этого времени он также одновременно занимал должности председателей Перекопского земского собрания и Перекопского уездного присутствия по воинской повинности [1].

⁵ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1276. Оп. 1. Д. 107. Л. 118–122 об.

вызвало раздражение у председателя собрания А. Карашайского, который заявил: «Что вы, господа, все шариат да шариат. Кто его теперь поддерживает» [4]. Жесткая позиция председателя Таврического магометанского духовного правления (далее – ТМДП), очевидно, способствовала единогласному голосованию, которое, однако, настораживает, потому что среди 200 уполномоченных были представители различных сословно-социальных групп и возрастов, имеющие неодинаковые взгляды.

Отъезд депутации в Санкт-Петербург муфтий А. Карашайский использовал для составления и подачи от имени мусульман губернии альтернативной петиции. В Российском государственном историческом архиве нами обнаружен оригинал альтернативной петиции⁶, текст которой позволяет сделать ряд наблюдений. Муфтий явно торопился с собранием подписей, сумев за день до возвращения в Симферополь крымско-татарской депутации, 24 мая 1905 г., отослать коллективное письмо председателю Комитета министров С.Ю. Витте.

В своей «докладной записке», написанной как пояснительная записка к коллективному прошению, муфтий дает нелестную оценку членам депутации, именуя их не иначе как «некоторыми лицами мусульманского населения Таврической губернии», лишая их статуса уполномоченных всего крымско-татарского народа. Тем самым муфтий дискредитирует собрание уполномоченных, ставя под сомнение его легитимность. Кажется, хорошо знавший российское делопроизводство, А. Карашайский воспользовался тем, что депутация, которая была «снабжена от населения уполномочием с подписями тысяч жителей» [5], не приложила к своему прошению этот документ. В таком случае законным становится альтернативная петиция крымских татар от 24 мая 1905 г., подписанная около 1700 мусульманами. Примечательно, что В.П. Череванский, которому особым совещанием по делам веры был поручен анализ поступивших от мусульман петиций, также обратил внимание на эту особенность петиции крымско-татарской депутации: «...против ходатайства уполномоченных мусульман Крымского полуострова получилось контрходатайство от муфтия тех же мусульман с тысячами подписей согласных с ним лиц»⁷.

Причину составления нового прошения сам А. Карашайский объясняет тем, что некоторые пункты поданной ранее петиции о нуждах крымских татар

⁶ РГИА. Ф. 812. Оп. 10. Д. 30. Л. 2–38 об.

⁷ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 411. Л. 2.

лица, подписавшие новое ходатайство, находят «не вполне соответствующими потребностям мусульман и истории народа»⁸.

Прежде чем перейти к анализу текста самого документа, выскажем свои предположения о мотивах поведения таврического муфтия. В данном случае правомерно провести некоторую аналогию с петиционной кампанией мусульман Волго-Уральского региона, в большинстве прошений которых речь шла о необходимости кардинального обновления системы управления духовными делами мусульман, о расширении прав и повышении статуса исламских институтов. В результате С.Ю. Витте предложил оренбургскому муфтию Мухамедъяру Султанову провести собрание духовенства с целью составления общего документа об улучшении положения исламских институтов и управления духовными делами мусульман. Сановник считал, что духовенство должно подавать прошения о религиозно-духовных нуждах, а представители остальных социальных и профессиональных групп населения – о собственных социальных проблемах. Такое собрание улемов округа состоялось 10–15 апреля 1905 г. в г. Уфе и разработало проект «Об управлении духовных дел магометан-суннитов округа Оренбургского Духовного собрания». Информация об этом мероприятии, а также текст ходатайства оренбургского муфтия М. Султанова по защите интересов мусульман публиковались во многих газетах. Можно предположить, что А. Карашайский решил воспользоваться ситуацией, выставляя корпоративные интересы духовенства в качестве ключевых проблем мусульман Крыма. Поступающие вести из столицы о благосклонном отношении высокопоставленных чиновников на ходатайства мусульман давали А. Карашайскому надежду на успешное рассмотрение и решение этих вопросов в пользу ТМДП.

Во-вторых, можно предположить, что недовольство отдельными пунктами постановления собрания уполномоченных от 7 апреля ему высказал, скажем, местный губернатор, что стало сигналом к отказу от поездки в столицу в качестве руководителя депутации. Так, например, пункт 16 постановления собрания уполномоченных о том, чтобы наделить безземельных единоверцев землей, а в горной части Крыма вернуть им «приписные» лесные дачи, означал необходимость кардинального пересмотра сложившихся земельно-правовых отношений. Действительно, такие вопросы не входили в компетенцию таврического муфтия.

В-третьих, нельзя исключить личный интерес А. Карашайского, мечтавшего стать бессменным таврическим муфтием, о чем речь пойдет далее.

⁸ РГИА. Ф. 812. Оп. 10. Д. 30. Л. 1.

В альтернативной петиции сообщается, что некоторые из пунктов ранее поданного прошения являются «не вполне соответствующими потребностям таврических мусульман и истории народа, а порою прямо противоречащими магометанскому праву (шариату). Вот почему наш голос не мог быть присоединен к постановлению собрания мусульман и явилась горячая потребность высказать наш собственный взгляд на насущные неотложные нужды мусульманского населения в надежде, что при обсуждении этих нужд и нашему скромному мнению будет уделено благосклонное внимание высших представителей власти Высочайшею Волею призванных к улучшению быта инородцев»⁹. В действительности заверения подписчиков прошения о том, что некоторые пункты первого прошения противоречат магометанскому праву (шариату), не имели под собой реальной почвы.

При анализе данного документа с целью создания доказательной базы своих наблюдений мы сочли нужным сопоставить его текст с постановлением собрания уполномоченных от 7 апреля 1905 г.¹⁰

Просители заявили (п. 1), что таврический муфтий как духовный глава мусульман, независимо от того, как кандидат будет определяться на эту должность (по назначению или по выбору), должен выделяться «своею ученостью, нравственными и религиозными качествами, как это требуется магометанским законом (шариатом)».

Пункт 11 постановления собрания уполномоченных от 7 апреля гласил: «...чтобы состав Таврического магометанского духовного правления был выборным, сроком на пять лет. Избрание муфтия и его помощника кади-аскера должно быть производимо всем мусульманским населением полуострова, а уездных кадиев мусульманским населением всего уезда по принадлежности, в отмену существующего порядка назначения и существовавшего ранее порядка выборов» [6]. По этому вопросу в альтернативной петиции предлагался другой механизм выборов. Открыто не выступая против закона «О порядке замещения должностей таврических муфтия и кади-эскера» от 27 мая 1891 г.¹¹, предлагалось изменить процедуру выдвижения кандидата на должность муфтия на местном уровне: таврический губернатор вместо того, чтобы собирать сведения о кандидатах у весьма широкого круга лиц, должен внять мнению духовенства и крымско-татарских мурз, «что согласовалось бы с правилом шариата, изложенным в 1800 статье книги «Мират-Меджелле»» (п. 2). Таким образом, речь шла об отмене 11-го пункта ходатайства о пятилетнем сроке

⁹ РГИА. Ф. 812. Оп. 10. Д. 30. Л. 2.

¹⁰ РГИА. Ф. 812. Оп. 10. Д. 30. Л. 55–57.

¹¹ ПСЗ-3. Т. 11. №7754.

службы всенародно избранных муфтия, кади-эскера, а также избранных мусульманами уезда кадиев и об ограничении выборной процедуры духовенством и мурзами.

Третьим пунктом альтернативной петиции предлагалось упразднить правительственную «Особую комиссию о вакуфах», которая заведовала вакуфным имуществом и капиталом упраздненных мечетей, занималась вопросами кадастрового оформления земель, обеспечения местного духовенства доходами с вакуфной недвижимости и т. д., и передать ее функции ТМДП. Религиозное управление получало право на утверждение мутевелиев из числа лиц, избранных прихожанами и духовенством, а муфтий сосредоточивал всю полноту контроля над использованием вакуфов. Пункт 3, по сути, имел общенациональное значение. В нем также речь шла о расселении безземельных татар на вакуфных землях с тем, чтобы Духовное правление непосредственно отчитывалось по этому вопросу перед министром внутренних дел. Нужно отметить, что Таврическое губернское земство ранее обращалось в Комитет министров о наделении безземельных крымских татар вакуфными землями. Однако Комитет министров в своем заседании от 4 января 1905 г. решил, что этот проект по существу своему больше подходит к дарению, не может быть оправдан уважительными причинами, на правительственном уровне также не было поддержано предложение о передаче заведования вакуфной недвижимостью в ведение особого управления.

Между тем на собрании уполномоченных от 7 апреля 1905 г. (п. 14) было рекомендовано учреждение при ТМДП «вакуфного отделения» под председательством муфтия, причем два остальных его члена должны были избираться сроком на пять лет всем мусульманским населением. Важно подчеркнуть, что контроль над деятельностью «вакуфного отделения» ТМДП по уездам была призвана осуществлять ревизионная комиссия в составе 12 человек, также избранная единоверцами сроком на пять лет. Как видно, в данном случае контроль над вакуфами переходил в компетенцию народных представителей при полной автономии мусульман в этом вопросе [2, с. 14].

Одно из предложений (п. 4) заключалось в уравнивании прав в исполнении воинской повинности крымско-татарского духовенства и учителей конфессиональных школ с православными священниками и учителями русских школ соответственно. В постановлении собрания уполномоченных (п. 7) также речь шла об освобождении духовенства от воинской повинности и предоставлении отсрочки от службы на три года учащимся высших конфессиональных школ на период обучения [2, с. 11].

Пятый пункт альтернативной петиции практически совпадал с п. 5 постановления собрания уполномоченных, где речь шла о рассмотрении наследственных дел мусульман исключительно ТМДП [2, с. 14].

В связи с сословным и наследственным характером крымско-татарского духовенства в повседневной практике ТМДП слабым звеном была номинальность назначения или увольнения хатибов, имамов, муадзинов и муддарисов. ТМДП желало установить над этими процедурами полноценный контроль, именно об этом говорилось в п. 6 петиции. Практически о том же, но с указанием права прихода на избрание духовных лиц, сообщалось в п. 6 постановления собраний уполномоченных.

Весьма созвучными представляются предложения седьмого пункта карашайской петиции и п. 3 постановления собрания уполномоченных о контроле ТМДП за постройкой новых зданий мечетей, медресе, мектебе и текие.

Подписавшие петицию А. Карашайского представители наследственного духовенства выступили против отмены своего замкнутого привилегированного сословного статуса, о чем декларировал п. 13 постановления собрания уполномоченных, состоявшегося 7 апреля 1905 г., («чтобы на все приходские должности, а также в кадии, мударрисы и муфтии, имели право избираться все достойные и ученые люди без различия сословий и без ограничения в пользовании доходами с вакуфных имуществ по принадлежности с правами приходского духовного лица»). Они высказались лишь за распространение права пользования доходами с вакуфных имуществ на ранее избранных приходами муадзинов, имамов, хатибов и мударрисов недуховного происхождения. Если учесть, что эти выбранные духовные лица появлялись в приходах, ранее не имевших духовных лиц, то очевидно, что материальные интересы их практически не пересекались.

В остальных двух пунктах петиции А. Карашайского говорилось о предоставлении ТМДП права определения даты рождения детей, в случае отсутствия об этом записи в метрической книге (п. 9), и определения законности рождения детей, родившихся после смерти отцов, путем дознания по нормам шариата (п. 10). Такие пункты отсутствовали в постановлении собрания уполномоченных.

Таким образом, петиция таврического муфтия А. Карашайского сосредоточилась, главным образом, на проблемах расширения компетенции и полномочий ТМДП по управлению и контролю над исламскими институтами, повышения статуса крымско-татарского духовенства и предоставления непотомственным имамам доступа к доходам вакуфов.

Постановление уполномоченных выражает точку зрения приверженцев либерального общественного движения. В постановлении, в частности, говорилось о равноправии российских мусульман с русским населением империи (пп. 1 и 2). Был также перечислен ряд аспектов «национального вопроса», который способствовал формированию у мусульман ощущения своей неравноправности в Российском государстве¹². Принципиальное значение для сторонников И. Гаспринского имел также п. 4, согласно которому «всякого рода элементарные школы и мектебе или общего или профессионального характера могли быть открываемы общинами и частными лицами явочным порядком, с правом преподавания начальных знаний на родном языке учащихся», что означало освобождение их от контроля местного духовенства.

Как видно, в обеих петициях ключевыми являются вопросы реформирования системы управления духовных дел крымских татар, в этой связи содержание целого ряда их пунктов перекликается друг с другом, а некоторые пункты содержат различные подходы решения некоторых принципиальных вопросов. Рассмотренный материал позволяет утверждать, что обвинение сторонниками муфтия А. Карашайского своих оппонентов заключалось в разном понимании цели петиции, подаваемой в рамках именного императорского указа от 12 декабря 1904 г. Прошение А. Карашайского было составлено с ориентацией на п.6 данного указа, где речь шла об упразднении «стеснений» российских подданных, принадлежащих к неправославным конфессиям, поэтому оно замыкалось исключительно на религиозно-духовных проблемах, главным образом, на вопросах, связанных с ТМДП, крымско-татарским духовенством и вакуфами, тогда как собрание уполномоченных от 7 апреля рассматривало весьма широкий круг вопросов с общегражданских позиций, включив в свое постановление актуальные и затрагивающие интересы многих социальных групп крымских татар проблемы. Важно отметить, что некоторые из поднятых на собрании уполномоченных проблем соответствовали рассмотренному ранее п. 7 именного указа от 12 декабря 1904 г. и даже выходили за его рамки. Кажется, сторонники А. Карашайского считали, что

¹² Для достижения равноправия с титульным населением империи уполномоченные крымских татар просили: позволить единоверцам усыновлять подкинутых младенцев (п. 8), организовать обучение учащихся-мусульман военных и гражданских учебных заведений основам ислама (п.9), при определении льготы по семейному положению исключить новокрещеного из списка членов мусульманской семьи (п. 10), соблюдать в армии религиозные права военнослужащих-единоверцев и при организации в войсковых частях питания обеспечить солдат-мусульман отдельным котлом (п. 15), обеспечить наделами безземельных татар и вернуть потомкам прежних хозяев ранее изъятые властями лесные дачи в горной части полуострова (п. 16), реформировать Симферопольскую татарскую учительскую школу (п. 17). (РГИА. Ф. 812. Оп. 10. Д. 30. Л. 55–57).

собрание мусульман под председательством муфтия, как собрание конфессиональной группы, не имеет права ставить такие социальные вопросы, ибо они относятся к компетенции других общественных институтов или социальных групп населения, скажем, земских учреждений, крестьянских обществ, безземельных крымских татар и т.д.

Своей инициативой таврический муфтий внес раскол в состав высшего духовенства. Симферопольский кадий повел двойную игру, первоначально публично заявив, что поддерживает постановление общего собрания единоверцев [7], в действительности Омар эфенди третьим подписал петицию¹³. Итак, из трех членов ТМДП петицию подписали двое: муфтий и симферопольский уездный кадий. Из числа высшего духовенства муфтия поддержали перекопский уездный кадий Ильяс эфенди Мухаммед эфенди оглу, евпаторский уездный кадий Сеид Амет эфенди Каяли Эфенди оглу, присутствовавшие 7 апреля на собрании [4]. Кажется, именно ими «был пущен слух, что некоторые статьи общей петиции не согласны с требованиями шариата и потому для спасения душ мусульман от греха ими составлена другая петиция согласно требованиям и указаниям шариата» [8]. Ялтинский и феодосийский уездные кадии воздержались от подписания новой петиции. В целом коллективное прошение, по нашим подсчетам, также подписали 442 представителя крымско-татарского духовенства, т.е. почти 2/3 духовных лиц [9, с. 130]. В петиции имеются также подписи почти четырех десятков мурз, которые, видимо, поддержали А. Карашайского в рамках родственных, клановых связей и личных симпатий или подписали документ, вняв просьбе муфтия, или по другим соображениям¹⁴.

И. Гаспринский и его сторонники оценили инициативу таврического муфтия не иначе как внесение раскола в общество мусульман Крымского полуострова. 3 июня 1905 г. возмущенный И. Гаспринский через газету обратился к муфтию с «Открытым письмом», где высказал свои мысли по поводу неблагоприятного поступка Карашайского [3, с. 48–49]. Своими публикациями с обвинением муфтия сотрудники «Тарджемана» раскаляли общественную атмосферу, дистанцировались от муфтия и духовенства. В результате редакция газеты стала называть ходатайство А. Карашайского «контрпетицией» [4].

Ответственный секретарь редакции газеты «Тарджеман» А. Леманов в своей публикации, посвященной разоблачению позиции А. Карашайского,

¹³ РГИА. Ф. 812. Оп. 10. Д. 30. Л. 3.

¹⁴ В документе имеются подписи таких представителей мурзинских родов, как Ширинские (12 чел.), Джемилевы (4 чел.), Улановы (3 чел.), Карашайские (2 чел.), Кайшаевы (2 чел.), Эдилерские (2 чел.), Булгаковы (2 чел.), Арабские (2 чел.), Сейдаметовы (2 чел.) и др.

уловил главное отличительное «новшество» этого документа от «народной петиции», а именно: в нем «по шариату», писал он, изменены те пункты, которые затрагивают интересы духовных лиц, – чтобы муфтия пожизненно избирали только дворянство и духовенство, а не весь народ. Между тем, отмечает автор, «в отношении срочных выборов кадиев глава толкователя ханифитов сказал, что кадий не может быть избираем более чем сроком на один год» [4].

Редакция газеты предположила, что мотивацией к подаче контрпетиции могли также стать стремление мусульман Крыма уничтожить «не существующую в исламе касту «духовного звания», превратившуюся в наследственных, привилегированных вакуфоедов и тунеядцев» – «кучки людей», сосредоточивших в своих руках духовную службу, преподавание в мектебе и медресе, отстранив остальное население от участия на этом поприще, среди которых в настоящее время немало людей, «часто очень далеких от духовных званий и дел. Почувяв, что привилегии в мечети и вакуфы могут рухнуть, каста беспокоилась» [10].

В концептуальном плане корень данного конфликта заключался в том, что в последней четверти XIX в. между сторонниками модернизации общества и обновления образовательной системы мусульман и традиционалистами возникли противоречия по идейным соображениям, вызванные различным пониманием путей развития крымско-татарского народа, которые затрагивали и материальные интересы оппонентов.

Как известно, после завоевания Российской империей Крымского ханства светская национальная элита в лице мурз и беков была инкорпорирована в состав российского дворянства, светская элита сохраняла высокое социально-правовое положение в крымско-татарском обществе, активно участвуя в решении вопросов местного значения в составе губернского и уездных дворянских собраний, а также земских учреждений. Одним из видных представителей либерального движения крымских татар был дворянин И. Гаспринский. Откровенное мнение И. Гаспринского о крымско-татарском духовенстве четко зафиксировано в «докладной записке» возглавляемой им крымско-татарской депутации, переданной 20 мая 1905 г. председателю учрежденного для разработки новых, справедливых, законопроектов Особого совещания по делам веры: чтобы в его работу из крымских татар не были приглашаемы «одни представители духовенства, среди которых, не исключая даже и лиц, поставленных во главе духовных дел, трудно найти таких, которые были бы сведущи в общих вопросах жизни, достаточно бы владели русским языком и познаниями в вопросах религии не с узкой точки толкования и не были

бы чужды своих кастовых и сословных интересов»¹⁵. В петицию, поданную С.Ю. Витте, депутация, превышая свои полномочия, ввела новый пункт (9-й) об «упразднении сословных привилегий духовного звания» крымских татар и «предоставлении права занимать духовные должности лицам всех сословий», сделав следующее пояснение: «Сословие «духовное звание» существует только у крымских татар и учреждено по присоединении Крыма к Российской империи Императрицей Екатериной II. Вековое существование этого замкнутого сословия доказало всю, по меньшей мере, бесполезность этой привилегии и, желая быть краткими, как на доказательство последнего обстоятельства, мы можем указать на общее желание народа отменить ее и на желание лиц из «духовного звания» сохранить ее, даже вопреки постановлению шариата. Признавая необходимым упразднение сословных привилегий [...], мы руководствуемся не только соображениями, основанными на Шариате, но и на том постоянном явлении, что духовная каста дает наименьший процент лиц, способных занимать духовные должности. Это последнее обстоятельство особенно обострилось в последнее время и очень часто вызывает в мусульманских обществах недовольство существующим порядком»¹⁶.

В начале сентября 1905 г. И. Гаспринский имел возможность публично заявить свою позицию относительно взаимоотношений с мусульманским духовенством. Он высказался по случаю неточности, допущенной Габдершитом Ибрагимовым в интервью с А.Н. Будиловичем¹⁷. В этом материале, опубликованном в газете «Гаят», Габд. Ибрагимов утверждал, что «говорил с Гаспринским; он мне сообщил, что они готовы принять все, но очень трудно столкнуться с муллами». В ответ отметив, что лично не знаком и не имел с Будиловичем переписку, редактор «Тарджемана» заявил, что «подобную фразу [...] не вырвут у нас, «мы» и «муллы» могут быть разных степеней развития, но, в конце концов, мы люди одной религии. Мы готовы признать все... Совсем нет; «все» может принять только осел; скажем более – мы не примем и того, что могут принять муллы, если принятое ими будет противно нашему разумению и совести» [11].

Итак, на наш взгляд, камнем преткновения является разный подход к значению высшего и низшего крымско-татарского духовенства. При устрой-

¹⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 30. Л. 39.

¹⁶ РГИА. Ф. 1276. Ф. 1. Оп. 107. Л. 120 об.

¹⁷ Будилович Антон Семенович (1846–1908) – тайный советник, член Совета министра народного просвещения (с 1901 г.); председатель Особого совещания по вопросам об образовании инородцев (1905 г.). В последней декаде 1904 г. он совершил поездки в Казанский, Оренбургский и Западно-Сибирский учебные округа с целью ознакомления с положением дел в сфере образования «инородцев».

стве всеобщих выборов, декларированных в постановлении собрания уполномоченных, могло произойти коренное обновление состава ТМДП, уездных кадиев и мог начаться интенсивный процесс изменения состава низшего духовенства. Петиция таврического муфтия была направлена на расширение компетенции ТМДП как административно-религиозного, судебного и нотариального учреждения, на сохранение сословного положения крымско-татарского духовенства и на повышение его статуса.

Сторонники И. Гаспринского оказались перед фактом подачи руководителями мусульманского духовенства, о которых они были весьма невысокого мнения, собственного прошения. Так произошло в значительной степени благодаря тому, что таврическим муфтием служил светски образованный представитель мурзинского рода А. Карашайский, поверивший в обещания власти и решивший воспользоваться благоприятной общественно-политической ситуацией для решения проблем своего ведомства. Таким образом, если оценивать «всеобщую петицию» как мнение приверженцев либерального общественного движения, то петиция А. Карашайского имеет четкую ведомственную, корпоративную и сословную направленность.

Литература

1. Маади Б. Крымские письма. *Каспий*. 1903;176. 15 августа.
2. Загидуллин И.К. Крымские татары в петиционной кампании мусульман 1905 года. *Научный Татарстан*. 2015;3:5–32.
3. Ганкевич В.Ю., Шендрикова С.П. *Исмаил Гаспринский и возникновение либерально-мусульманского политического движения*. Симферополь: издательство «Доля»; 2008. 192 с.
4. А.Л. [А. Леманов]. Крым. *Тарджеман-Переводчик*. 1905;51. 1 июля.
5. Гаспринский И. Крымская депутация в С.-Петербурге. *Тарджеман-Переводчик*. 1905;42. 31 мая.
6. Постановление собрания мусульман Крымского полуострова. *Тарджеман-Переводчик*. 1905;31. 22 апреля.
7. *Тарджеман-Переводчик*. 1905;39. 20 мая.
8. А.Л. [А. Леманов]. Крым. *Тарджеман-Переводчик*. 1905;48. 21 июня.
9. *Мусульманское духовенство Таврической губернии в конце XIX века: отчет В.В. Вашкевича: сборник документов*. Загидуллин И.К. (сост., авт. предисл., прим. и сокр., сост. указ.). Казань: Государственный комитет Республики Татарстан по архивному делу; 2016. 200 с.

10. А.Л. [А. Леманов]. Крым. *Тарджеман-Переводчик*. 1905;73. 16 сентября.
11. Гаспринский И. Поправка. *Тарджеман-Переводчик*. 1905;71. 9 сентября.

References

1. Maadi B. Krymskie pis'ma [Crimean letters]. *Kaspiy* [Kaspi]. 1903;176. August 15. (In Russian)
2. Zagidullin I.K. Krymskie tatory v petitionnoy kampanii musul'man 1905 goda [Crimean Tatars in a 1905 Petition Campaign by Muslims]. *Nauchnyy Tatarstan* [Scientific Tatarstan]. 2015;3:5–32. (In Russian)
3. Gankevich V.Yu., Shendrikova S.P. *Ismail Gasprinskiy i vozniknovenie liberal'no-musul'manskogo politicheskogo dvizheniya* [Ismail Gasprinsky and the emergence of the Muslim Liberal Political Movement]. Simferopol: Dolya publishing house; 2008. 192 p. (In Russian)
4. A.L. [A. Lemanov]. Krym [Crimea]. *Tardzheman-Perevodchik* [Tardjeman-Interpreter]. 1905;51. July 1. (In Russian)
5. Gasprinskii I. Krymskaya deputatsiya v S.-Peterburge [Crimean deputation in St. Petersburg]. *Tardzheman-Perevodchik* [Tardjeman-Interpreter]. 1905;42. May 31. (In Russian)
6. Postanovlenie sobraniya musul'man Krymskogo poluostrova [The Crimean Peninsula Muslims' Assembly Resolution]. *Tardzheman-Perevodchik* [Tardjeman-Interpreter]. 1905;31. April 16. (In Russian)
7. *Tardzheman-Perevodchik* [Tardjeman-Interpreter]. 1905;39. May 20. (In Russian)
8. A.L. [A. Lemanov]. Krym [Crimea]. *Tardzheman-Perevodchik* [Tardjeman-Interpreter]. 1905;48. June 21. (In Russian)
9. *Musul'manskoe dukhovenstvo Tavricheskoy gubernii v kontse KhIX veka: raport V.V. Vashkevicha: sbornik dokumentov* [The Muslim clergy of the Taurian province in the end of the XIX century: a report by V.V. Vashkevich: collection of documents.]. Zagidullin I.K. (comp.). Kazan: State Committee of Tatarstan Republic on Archival Affairs; 2016. 200 p. (In Russian)
10. A.L. [A. Lemanov]. Krym [Crimea]. *Tardzheman-Perevodchik* [Tardjeman-Interpreter]. 1905;73. September 16. (In Russian)
11. Gasprinskii I. Popravka [Amendment]. *Tardzheman-Perevodchik* [Tardjeman-Interpreter]. 1905;71. September 9. (In Russian)

Загидуллин И. К.

О петиции таврического муфтия А. Карашайского 1905 года

Информация об авторе

Загидуллин Ильдус Котдусович, доктор исторических наук, главный редактор журнала «Гасырлар авазы – Эхо веков», г. Казань, Российская Федерация.

About the author

Ildus K. Zagidullin, Dr. Sci. (History), Editor-in-Chief of «Gasirlar avazi – Eho vekov» [Echo of Centuries] Scientific Journal, Kazan, the Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 17 октября 2021

Одобрена рецензентами: 11 ноября 2021

Принята к публикации: 3 декабря 2021

Article info

Received: October 17, 2021

Reviewed: November 11, 2021

Accepted: December 3, 2021